

Брук Е.Г.

*Государственный музей истории религии
190000, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Почтамтская, 14
bruk97@list.ru*

Античный миф в контексте европейского дискурса XVIII–XIX вв.: от нравственной аллегории к исторической трактовке

Аннотация. Античный миф, являясь неотъемлемой частью европейской культуры, обладает широкой интерпретативной подвижностью, благодаря которой его понимание может варьироваться в зависимости от культурного контекста. Начиная с Эллинистической эпохи происходит процесс морализации персонажей и образов античной мифологии, который достигает своего пика в моральной эмблеме Нового Времени. К концу XVII – началу XVIII столетия понимание античной мифологии как образной системы, призванной аллегорически пояснять христианские ценности и понятия, начинает постепенно уходить на периферию. Поиск «исторического» объяснения, пока ещё в рамках христианского дискурса эпохи, находит своё выражение в популярности эвгемерической трактовки античных сюжетов. Однако под влиянием рационализма Нового Времени постепенно начинают предприниматься попытки сравнительных исследований, где Античность становится в один ряд с другими культурами, а, значит, освобождается от статуса образной системы, апроприированной христианством. Во второй половине XVIII века благодаря статьям французских просветителей и трудам И. И. Винкельмана подготавливается благоприятная почва для понимания античного мифа не как абстрактной системы, но как части религии античного мира, как результата деятельности целого народа. Античность начинает пониматься как Другой, для изучения которого нужны профессиональные учёные. Немецкий романтизм начинает смотреть на Античность в рамках всеобщего исторического процесса. Античный миф ставится в один ряд с национальными легендами, его образная система замыкается в собственной самобытности. Так, Романтизм становится почвой, на основании которой зарождается подлинно исторический взгляд на античную мифологию.

Ключевые слова: античный миф, моральная эмблема, эвгемеризм, романтизм, аббат А. Банье, французские энциклопедисты, И.И. Винкельман, братья Шлегели, Г. Шваб, историзм

Elizaveta G. Bruk

*The State Museum of the History of Religion
14 Pochtamskaya Str., St. Petersburg, 190000, Russia
bruk97@list.ru*

Ancient Greek and Roman Mythology in the Context of the European Discourse of the 18th – 19th Centuries: from the Moral Allegory to the Historical Interpretation

Abstract. Ancient Greek and Roman mythology, being an integral part of European culture, has a wide interpretive mobility and the interpretation of its imaginary system depends on cultural context. Since the Hellenistic period the process of moralization of mythological imaginary system took place and, finally, it resulted in moral emblem of 17th century. By the end of the 17th and at the beginning of the 18th century, Christian moral connotation began being overshadowed by search of historical interpretation. Initially, these attempts also were within the framework of the Christian discourse: the popularity of euhemeristic approach cannot be considered as a turning point of this process because of the highly Christian understanding of Classical Myth from this point of view. However, under the influence of the European rationalism, there were several attempts of comparative studies conducting, where Classical Antiquity was put in a par with other cultures and, therefore, was rid of the status of a figurative system, appropriated by Christianity. In the second half of the 18th century, the works by J.J. Winkelman and the articles of French enlighteners prepared the basis for understanding Ancient Greek and Roman mythology as a part of the religion, as a result of a creative work of a whole nation. Classical Antiquity began to be understood as the Other, for the study of which the existence of professional scholars was necessary. German romanticism began to look at the Antiquity within

the framework of a general historical process, placing the myth on a par with national legends and developing the historical approach toward Ancient Greek and Roman mythology.

Key words: ancient Greek and Roman mythology, moral emblem, euhemerism, romanticism, A. Banier, French encyclopedists, J.J. Winkelman, Schlegel brothers, G. Schwab, historicism

В XVII столетии зреет зарождение новоевропейской науки как нового целостного видения реальности, нового способа мышления. В этот период рационализм (мыслящий субъект Р. Декарта, механика И. Ньютона) [Момджян, 1983; Шоню, 2008] постепенно начинает подрывать изнутри единый монолит барочного сигнификативного дискурса, ориентированного на морально-эмблематическое понимание античной мифологии. Последняя вплоть до конца XVII в. интерпретируется как аллегорическая система для выражения христианского понимания порока и добродетели, как собрание басен, исполненных морального значения. Новоевропейский рационализм подготавливает почву для упразднения подобной «басенности» и поиска адекватной научной методологии в изучении античного мифа. Первые попытки такого осмысленного поиска появляются в конце XVII века в контексте «Спора Древних и Новых», который демонстрирует зарождение исторической интерпретации поэм Гомера. Спор, начавшийся на заседании Французской академии в конце XVII века с чтения поэмы Ш. Перро «Век Людовика Великого», разделяет французских интеллектуалов на две группы, центральными фигурами которых становятся Ш. Перро и Н. Буало. «Новые» опираются на идею совершенствования, разоблачая изображённую в поэмах Гомера действительность, считая её более низкой стадией развития культуры. «Древние» же настаивают как на гениальности Гомера, так и на том, что грубые нравы той далёкой эпохи по-своему прекрасны, поскольку таят в себе остаток первобытной добродетели, которая противоположна утончённым нравам современности. Именно здесь начинается историческая интерпретация античной литературы, как свидетельницы давно исчезнувшего мира, а не как литературного или риторического инструмента. У Гомера начинают учиться следовать природе, он появляется перед новой литературой в ореоле величайшего поэта по причине своей «первобытности», по причине того, что древние греки начинают мыслиться так долго недоступными «естественными людьми». По мнению Б.Г. Реизова, благодаря такой смене акцентов, к концу XVIII столетия «народы Европы вспомнили свою первобытную поэзию, которую они сравнивали с Гомером и Оссианом» [Реизов, 1970, 13].

В начале XVIII столетия немалое влияние на появление нового взгляда на Античность оказали труды Дж. Вико, который увидел в гомеровских эпосах отражение целого народа, эпохи, отрицая тот принцип, на который до того времени опирались все рассуждения об Античности – представление о единообразии человеческой природы [Мейнеке, 2004, 50]. Он утверждал поэтичность мышления человека на ранней исторической стадии и превратил античные мифы и древние языки в источник исторического познания. Ф. Мейнеке прослеживает целую линию следующих за Дж. Вико авторов. Например, немецкий исследователь отмечает, что идеи Дж. Вико были близки мысли английского преромантизма, где ключевой фигурой оказывается личность Т. Блэкуэлла, считавшего, что для понимания Гомера «надо перенестись в круг его слушателей среди воинственного народа, который хотел услышать что-то о подвигах предков» [Мейнеке, 2004, 195]. Несколько позднее, по словам автора, Роберт Вуд «с Гомером в руках и в сердце объехал всю Грецию и Ближний Восток, включая Египет...» [Мейнеке, 2004, 197]. Так, с подачи Дж. Вико Гомер перестаёт рассматриваться как вневременное классическое проявление дидактических центностей и становится объектом нарождающегося исторического мышления.

Помимо споров о Гомере, которые хотя и являются характерными показателями смены научной парадигмы, всё же предстают как вопросы частного характера, в первой трети XVIII века происходят и другие процессы: эвгемеризм, как наиболее подходящая на роль исторического объяснения теория, постепенно начинает разрывать единый дискурс на две части: эмблематическую и наукообразную, которая ещё пока что находится в рамках христианства. Плавный сдвиг акцентов отчётливо про-

слеживается, например, при чтении сборника «Храм муз» 1733 года [Le Temple des Muses, 1733]. Этот сборник был создан на основании издания 1655 года [Tableaux du temple des muses, 1655], где античные сюжеты тракуются с точки зрения христианской морали, как аллегии добродетелей и пороков. В издании 1733 года символическое моралистическое толкование античных мифов заменяется эвгемерическим комментарием. Известный французский гравёр Б. Пикар, выгравировавший иллюстрации сборника с образцов 1655 года, во избежание потери эмблематического подтекста добавляет к каждому изображению орнаментальную рамку, семантика которой полностью соответствует утраченному в тексте нового издания морально-эмблематическому пониманию античного сюжета. Например, в тексте сборника после изложения мифа о Дедале и Икаре идёт речь не об умеренности как добродетели и гордости как о пороке, а приводится следующее объяснение мифа: «Минос <...> посадил Дедала в тюрьму. Но тот тайно смастерил два очень лёгких судна – одно для себя, другое – для сына. Дедал, чтобы уйти от преследования шедших на вёслах кораблей Миноса, придумал, как направить по ветру парус <...> в то время, как Икар, не зная, как управлять своим кораблём, потерпел крушение и утонул» [Le Temple des Muses, 1733, 92]. В то же время в поле визуальной риторики, благодаря Б. Пикару, появляется орнаментальная рамка, каждый элемент которой является расхожей эмблемой. Солнце является олицетворением божественного предела, к которому человеку не дано приблизиться без трагических последствий. Павлин служит эмблемой гордости и неоправданных человеческих притязаний, четыре ветра отсылают к стихии воздуха, служат обозначением постоянного движения. То есть, несмотря на сдвиг в вербальном толковании, эмблематика всё же остаётся понятной читателю и неохотно покидает ведущие позиции. Связующим звеном между двумя типами толкований в данном случае всё ещё является христианский взгляд на античный миф.

Наиболее известным и популярным автором, трактовавшим античную мифологию с точки зрения эвгемеризма (пока ещё христианского), был аббат А. Банье. «Метаморфозы» Овидия с его комментариями не раз переиздавались (1732, 1757, 1767–1771 гг. [Les Métamorphoses d'Ovide, 1732; Les Métamorphoses d'Ovide, 1757; Les Métamorphoses d'Ovide, 1767–1771]) в течение XVIII столетия. Причина такой популярности лежит во взглядах автора, который ищет «историческое» объяснение древних басен, не выходя при этом за рамки конфессиональной точки зрения на античный миф. А. Банье пытался вписать античных богов в свою христианскую модель истории. По его мнению, изначально существовала вера в Единого Бога, которая постепенно стала забываться. Ной сохранил веру отцов, но его потомки настолько предалися действию различных пороков, что вскоре стали обожествлять чувственные вещи. Сначала Солнце, потом звезды и планеты, а вскоре и саму природу. Затем объектами поклонения стали сильные мира сего и герои. Так, по мнению А. Банье, в незапамятные времена родился политеизм, а стремление поэтов, ораторов, художников, или просто рассказчиков приукрасить реальные истории, послужило причиной возникновения поэтических «басен» о богах, достигших наибольшего поэтического расцвета в «Метаморфозах» Овидия [Banier, 1732].

Аббат А. Банье был не единственным, кто встраивал политеизм в христианскую модель истории. В начале XVIII века писал свои труды Ж.-Ф. Лафито, который, прожив пять лет среди ирокезов и гуронов, «предпринял попытку сравнить их религиозные представления, нравы и институты с сообщениями античных авторов

Илл. 1. Падение Икара. Б. Пикар по мотивам А. ван Дипенбека. Из сборника «Храм муз», 1733 г.

о естественном состоянии народов Греции и Малой Азии древнейшего периода» [Мейнеке, 2004, 56]. Несмотря на то, что Ж.-Ф. Лафито также пытался объяснить религиозные феномены с конфессиональной точки зрения, стремясь найти повсеместное распространение следов изначального божественного откровения [Мейнеке, 2004, 59], всё же его сравнение античной религии с религиями других народов возводит её в новый статус, освобождая от привкуса сугубо христианской образной системы, которая служит лишь дидактическим инструментом и аллегорической завесой христианских истин.

Несмотря на развитие рационализма, в начале XVIII века христианский подход к вещам и мифологический сюжет всё ещё до конца не эмансипировались друг от друга, светское и религиозное только начинают становиться самостоятельными сферами, здесь ещё трудно говорить о резкой границе между светским и религиозным (как это делает, например, Ж. Старобинский [Старобинский, 2002а, 92]), о полной эмансипации античной образной системы из-под власти морального христианского дискурса. Но в то же время смена акцентов в сторону историзма уже постепенно начинает происходить.

Христианское осмысление мифа в новых исторических условиях накладывается на популярную в эпоху Просвещения идею «естественного человека», что способствует использованию этих идей в трудах энциклопедистов. От трудов А. Банье [Banier, 1738–1739] отталкиваются авторы «Энциклопедии наук, искусств и ремесел», упоминая его в качестве предшественника. В энциклопедических статьях появляется совершенно новое видение античного мифа, который становится предметом исследования, а не только формой выражения тех или иных идей. В статье «Басня (Миф)» [Jaucour, Marmontel, 1756] Л. де Жокур и Ж.-Ф. Мармонтель опираясь на классификацию мифов А. Банье (исторические, моральные, философские и т.д.), делят мифы на несколько классов. Все они, по мнению авторов, имеют исторические предпосылки: «В баснях даже то, что мы назвали философским, было прежде всего историческим...» [Jaucour, Marmontel, 1756]. Из исторического факта некое событие превращается в миф по целому перечню причин: отсутствие письменности на ранних этапах человеческой истории, стремление поэтов и ораторов приукрасить действительность, незнание языков (одинаковое звучание слов «бык» и «корабль» на финикийском языке, с точки зрения авторов, породило миф о похищении Европы) и др. Помимо объяснения «басни-мифа» в «Энциклопедии» поясняется сущность мифологии, во-первых, как науки о мифологической системе, теологии древних и её связи с античными ритуалами, а, во-вторых, как «беспорядочной смеси снов воображения, снов философии и остатков древней истории» [Jaucour, 1765], то есть как системы мифопоэтического, философского и исторического. Здесь понимание античного мифа и мифологии уже становится близким к современному, как то, что подлежит изучению небольшим кругом квалифицированных специалистов. Миф видится здесь не столько как система поэтических образов и аллегорий, сколько как часть античной религии. Он целиком освобождается от налёта христианской аллегорезы, становится по преимуществу объектом научных изысканий. Так, рационализм XVII века как поворот к новому способу мышления даёт импульс к поиску историко-критического осмысления мифа, обособляя научный дискурс от обыденного понимания предметов и явлений. Первый этап развития новой методологии пользуется ещё старыми, давно известными инструментами «исторического» познания, наиболее рациональным из которых является эвгемеризм.

Ещё в первой половине XVIII века возникает интерес к сравнительным исследованиям: грандиозный труд «Религиозные обряды и обычаи всех народов мира» (1723–1743 гг.) [Le Cérémonies et coutumes religieuses, 1723–1743] становится точкой отсчёта для становления сравнительного метода [Шахнович, 2001; Facchini, 2017; Hunt, Jacob, Mijnhardt, 2010; Hunt, 2011] в изучении религий в синхронном срезе. Сравнение древних и современных культур в диахроническом аспекте, в свою очередь, открывает новые возможности для изучения классической мифологии. В формировании нового представления об античной образной системе неоценимый вклад вносит «История искусств» И.И. Винкельмана [Винкельман, 2000], где греки предстают как качественно отличный от европейцев XVIII века народ. Несмотря на

предельную идеализацию Античности, И.И. Винкельман делает попытку объяснения свойств материальной культуры определённого исторического периода, взятой как нечто принципиально иное по отношению к культуре европейской. По его мнению, расцвет греческой культуры зависел от благоприятного географического положения, физического склада представителей этого народа, их языка и т.п. Античность в трудах теоретика искусства предстаёт как Другой, качественно отличный от современной автору культуры. Греки, по мнению И.И. Винкельмана, в своей естественной красоте и близости к природе являются эталоном для подражания, поскольку в своей неискущённости много выше современного человека. Здесь берёт своё начало процесс эстетизации Античности, зарождение взгляда на классическую древность как Другого, находящегося на недостижимой ступени простоты, естественности и гармонии с природой, мифотворчество начинает рассматриваться как результат деятельности целого народа.

На рубеже XVIII–XIX происходит новый эпистемологический поворот, который расширяет границы методологических возможностей науки, сместив акценты с поиска «истинного» предмета познания на способ его познания. Характерным признаком этого поворота на наиболее общем уровне полностью выразился в работах И. Канта, которые создают необходимые философские установки для широкого развёртывания методологических исканий в сфере гуманитарных наук.

Катализатором новых поисков в объективном историческом процессе становится Французская Революция, которая воспринимается как новое рождение и обновление, в котором сосуществуют как старые, уже отжившие, так и новые, только рождающиеся тенденции. Французская Революция, ставшая апофеозом абсолютизации мифологического эмблематического дискурса и закатом обожещённой рациональности, оказывается одновременно и началом принятия Античности как Другого, началом постепенного становления романтизма. Это проявляется даже в изобразительном искусстве. Появляется идея возвращения к «первоначальному» рисунку, поиск которого упирается, наконец, в античную вазопись: «Гравюры и контурный рисунок у Ганьеро, Флаксмана, Карстенса <...> находят эстетическое обоснование прежде всего в греческой вазописи: необходимо вернуться к перво-рисунку, к безупречной каллиграфии, к искусству начала» [Старобинский, 2002б, 420]. Именно в этой манере известный английский график Дж. Флаксман выполняет свои иллюстрации к «Божественной комедии» Данте, «Илиаде» и «Одиссее» Гомера [Oeuvre complet de Flaxman, 1833–1836], предвосхищая романтическое понимание мифа, что подчёркивает внимание к его творчеству ранних романтиков, в частности, А.В. Шлегеля [Petherbridge, 2011, 390]. Благодаря использованию линейной манеры, манеры греческой вазописи, в иллюстрациях к поэмам Гомера, изображение лишается тех подробностей, которые служат символическим рядом для морально-эмблематического толкования. Миф здесь замыкается в себе, слой христианской аллегории, множившей смыслы, окончательно уходит. Такой поиск адекватного способа представления древности, такое понимание качественной инаковости людей давно ушедших эпох, вызванное к жизни И.И. Винкельманом, буквально захлёстывает ранних романтиков, вдохновляемых идеями Французской Революции и новой философии.

Мифотворчество ранних романтиков сочетается с острым интересом к Античности как к замкнутой на себя эпохе. Наиболее показательными в этой связи являются работы Ф. Шлегеля 1794–1797-х гг. о греческой поэзии. Несмотря на то, что влияние идей И.И. Винкельмана является более чем очевидным, здесь уже начинает вырабатываться в полном смысле слова исторический взгляд на Античность. Школы греческой поэзии рассматрива-

Илл. 2. Гермес приказывает Калипсо отпустить Улисса.

Гравюра Т. Пироли по рисунку Дж. Флаксмана. 1793 г.

Национальная Библиотека Франции.

ются как зависимые от нравов местного населения (ср. с И.И. Винкельманом) [Шлегель, 1983б]. В то же время ставится вопрос о необходимости комплексного изучения античной культуры и о поиске её места в историческом процессе: «Все отдельные сферы изучения древних осваивались в нашу эпоху, особенно среди нашей нации, с большим усердием и умом, так что попытка связать единичное в некое целое и указать этому целому определённое место в общем плане человечества отнюдь не должна казаться преждевременной» [Шлегель, 1983а, 72]. Античность предлагается рассматривать во всеохватности исторического процесса, поскольку «без всеохватывающего и определённого обозрения целого нельзя достичь полной правильности в единичном» [Шлегель, 1983а, 71–72].

С одной стороны, ранние романтики, опираясь на античную образность, тяготеют к собственному конструированию мифов, которые являются сверхобразом природы и истории, максимальным выражением подлинной жизни. С другой – в романтическом кружке разрабатывается и своя собственная Античность, Античность как элемент сравнения с Новым Временем, для окончательного определения лица последнего. Н. Я. Берковский по этому поводу отмечает: «У романтиков и у их современников античный мир – едва ли не единственный источник сравнений, он давал начало их сравнительному методу и сравнительным характеристикам, и уже в этом одном состояла его великая роль. Романтики сопоставляют античный мир и новый мир как модель с моделью, ради самоосознания нового мира» [Берковский, 2001, 51]. Иными словами, романтический взгляд на античную цивилизацию предельно историчен. Кроме того, не следует забывать, как отмечает тот же автор, что братья Шлегели одними из первых заговорили об античных дионисиях как об основе античного театра и «открыли» комедии Аристофана, поскольку юмор последнего был в наивысшей степени им близок. Однако постепенно романтизм отходит от этой всеохватной антиквизации, видя в Античности лишь лишённые жизни застывшие формы. И так же, как раньше интересовались античной мифологической образной системой – источником современных культурных явлений, так теперь начинают интересоваться собственной культурой и мифологией. Постепенно происходит процесс «смыкания новой национальности с республиканской античностью» [Реизов, 1970, 11], начинается поиск своей «национальной» Античности, а классика становится при этом только одной из многих предшествующих современному миру мифологических систем.

Исторический интерес следующих поколений романтиков к античному мифу органично вплетается в методологический поворот эпохи как таковой. Религия (прежде всего, христианство), фольклор становятся объектами исторических штудий, антиковедение (Altertumswissenschaft) становится всё более активно развивающейся самостоятельной дисциплиной [Графтон, 2006]. Подобно тому, как представители Тюбингенской школы, Ф. Х. Баур, Д. Ф. Штраус и пр., разрабатывают историко-критический метод анализа христианских текстов [Вороницын, 1930, 717–725], немецкие учёные под влиянием трудов Б.Г. Нибура, А. Бёка и т.д. начинают искать новую комплексную методологическую парадигму в изучении Античности. Качественная трансформация в отношении к античному мифу на уровне доступных и интересных широкой публике издательств отчётливо проявляется в одном из ключевых изданий XIX века по античной мифологии – «Прекраснейшие легенды Классической Древности» Г. Шваба [Schwab, 1838–1840]. Помимо знания древних языков и занятия Античностью, Г. Шваб написал несколько сборников о кельтской мифологии и немецком фольклоре [Schwab, 1836–1837; Schwab, 1938]. Его личность помогает понять, насколько поиски «собственной», «национальной» древности и поиск Античности как самостоятельного предмета рассуждений или научных изысканий, органично сливаются воедино.

Первое издание известного труда Г. Шваба об античной мифологии было осуществлено в 1838–1840-х годах и представляло собой трёхтомник, каждая часть которого предварялась иллюстрацией в линейной манере (в основном, с Дж. Флаксмана) и предисловием автора. Уже само название сборника говорит о понимании мифологии в совершенно новом ключе. Во-первых, использование слова «Sagen», а не «Fabeln» свидетельствует не только о полном искоренении басенности, но и о

том, что античный миф воспринимается наравне со средневековыми легендами и германо-скандинавскими мифами, к которым в данный период появляется сильный интерес, если вовсе не буквально перекликается с «Немецкими легендами» братьев Гримм [Brüder Grimm, 1816–1818], изданными двадцатью годами ранее. Принцип включения мифов в сборник по их эстетическому качеству («Прекраснейшие») также говорит о восприятии мифа как такового и о вторичности попыток его авторского преломления. Г. Шваб обращает внимание читателей на то, что античные мифы обладают для сознания простого зрителя одинаковым эстетическим обаянием: «Пока исследователь изучает в них начала человеческих премудростей, основные идеи религии и философии, возникновение истории, беспристрастный зритель восхищается раскрытием богатейших образов, зрелищем природы и духовного мира» [Schwab, 1838–1840, v.]. Автор, адресуя свой труд юношеству, предельно упрощает форму (даёт простые обаятельные пересказы мифов, опираясь на произведения античных авторов) и ставит своей целью ненавязчивое увлекательное знакомство юных читателей с Античностью. Миф не описывается только лишь автором, но представляет собой живое действие, включающее в себя диалоги и монологи героев, их крайне эмоциональную реакцию на происходящие события. Пересказы «Илиады», «Одиссеи» и «Эннеиды» наконец обретают свою целостность в виде соответствующих циклов, а не отдельных моральных эмблем.

В заключение можно сделать следующие выводы: античная мифология, веками существовавшая в контексте христианского морального дискурса, под влиянием рационалистических идей с конца XVII столетия постепенно начинает обособляться от него. Эмблематическое толкование сначала сменяется эвгемерической трактовкой как наиболее доступным историкообразным объяснением, затем начинает развиваться представление об Античности как Другом. С новым поворотом в философском мышлении рубежа XVIII–XIX веков Античность встраивается в общесоциальный контекст. Миф, с одной стороны, эстетизируется, с другой – становится таким же объектом исследования, как средневековые легенды. Романтики смотрят на Античность как на источник сравнений, как на отправную точку для осознания современного авторам мира. Античность превращается в такую же законченную, самодостаточную модель, как и современность. Именно такое романтическое понимание Античности даёт импульс к дальнейшему развитию взглядов на миф и религию как на объект научного познания. В русле поиска своей «национальной» Античности классическая древность становится одной из многих предшествующих современному миру мифологических систем, наравне с собственной национальной древностью, что отражается в изменении терминологии. Из текстов полностью исчезает «басенность», мифы становятся в один ряд с национальными легендами. Под действием стремления романтизма к изучению как собственных корней, так и древности вообще, античный миф замыкается в своей повествовательной самодостаточности и становится объектом академической науки.

Библиографический список

1. Берковский, Н.Я. Романтизм в Германии / Н.Я. Берковский. – СПб.: Азбука-классика, 2001. – 512 с.
2. Винкельман, И.И. История искусства древности / И.И. Винкельман // Винкельман И.И. История искусства древности. Малые сочинения / Изд. подготовил И.Е. Бабанов. – СПб.: Издательство «Алетейя», 2000. – С. 7–302.
3. Вороницын, И.П. История атеизма / И.П. Вороницын. – 3-е изд.-М.: Атеист, 1930. – 908 с.
4. Графтон, Ф. От полигистора к филологу (как преобразилась немецкая наука об античности в 1780–1850-е годы) [Электронный ресурс] // НЛЮ. – 22006. – № 6. – URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2006/6/ot-poligistora-k-filologu.html> (дата обращения 06.04.2021).
5. Мейнке, Ф. Возникновение историзма / Ф. Мейнке / Пер. с нем. В. А. Брун-Цеховой. – М.: РОССПЭН, 2004. – 480 с.
6. Момджян, Х.Н. Французское просвещение XVIII века / Х.Н. Момджян. – М.: Мысль, 1983. – 447 с.

7. Реизов, Б.Г. У истоков романтической эстетики. Античность и романтизм / Б.Г. Реизов // Реизов Б.Г. Из истории европейских литератур. – Л.: Издательство Ленинградского ун-та, 1970. – С. 3–22
8. Старобинский, Ж. «Мифы» и «мифология» в XVII–XVIII веках / Ж. Старобинский // Старобинский Ж. Поэзия и знание: История литературы и культуры. / Пер. с фр. Е.П. Васильевой, Б.В. Дубина, С.Н. Зенкина, В.А. Мильчиной, М.С. Неклюдовой, Т.И. Смоляровой, П.П. Шкаренкова. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – Т. 1. – С. 85–109.
9. Старобинский, Ж. 1789 год: эмблематика разума / Ж. Старобинский // Старобинский Ж. Поэзия и знание: История литературы и культуры. / Пер. с фр. М.С. Гринберга, И.К. Стаф, Г.Е. Шумиловой. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – Т. 2. – С. 357–500.
10. Шахнович, М.М. Феноменологическое религиоведение: история и метод / М.М. Шахнович // *Miscellanea humanitaria philosophiae*: Очерки по философии и культуре. К 60-летию профессора Юрия Никифоровича Солонина. – СПб: СПбФО, 2001. – С. 301–308.
11. Шлегель, Ф. О ценности изучения греков и римлян/Ф. Шлегель// Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. В 2-х т.– М.: Искусство, 1983. – Т. 1. – С. 70–87.
12. Шлегель, Ф. О школах греческой поэзии / Ф. Шлегель // Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. В 2-х т. – М.: Искусство, 1983. – Т. 1. – С. 40–50.
13. Шоню, П. Цивилизация Просвещения / П. Шоню. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: АСТ МОСКВА, 2008. – 604 с.
14. Abbé Banier's Ovid commentary Englished from Ovid's *Metamorphoses* (Garth tr., Amsterdam, 1732) [Электронный ресурс] / A. Banier. – URL: <https://ovid.lib.virginia.edu/banier.html> (дата обращения 06.11.2020).
15. Banier, A. La mythologie et les fables, expliquées par l'histoire. In 8 vol. / A. Banier. – Paris, 1738–1739.
16. Brüdern Grimm. *Deutsche Sagen* / Brüdern Grimm. In 2 Bände. – Berlin, 1816–1818.
17. Le Cérémonies et coutumes religieuses de tous les peuples du monde. In 10 vol. – Amsterdam, 1723–1743.
18. Facchini, C. Le Cérémonies et coutumes religieuses de tous les peuples du monde di Picart e Bernard (1723–1743) / C. Facchini // *La Storia delle religioni e la sfida dei pluralismi*. – Roma: MORCELLIANA, 2017. – P. 428–439.
19. Hunt, L. The Book That Changed Europe: Picart and Bernard's "Religious Ceremonies of the World" / L. Hunt, M. Jacob, W. Mijnhardt. – Cambridge, Massachusetts; London, England, 2010. – 383 p.
20. Hunt, L. The Enlightenment and the Origins of Religious Toleration / L. Hunt // *Series Burgerhart Lectures Dutch-Belgian Society for Eighteenth-Century Studies*. – Werkgroep 18e Eeuw, Utrecht, Nederland, 2011. – No. 4 – 32 p.
21. Jaucour, L. Fable [Электронный ресурс] / L. Jaucour, J. Marmontel // *Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*. – Paris, 1756. – Vol. 6. – URL: https://fr.wikisource.org/wiki/L%E2%80%99Encyclop%C3%A9die/1re_%C3%A9dition/FABLE (дата обращения 06.11.2020).
22. Jaucour, L. Mythologie [Электронный ресурс] / L. Jaucour // *Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*. – Paris, 1765. – Vol. 10. – URL: https://fr.wikisource.org/wiki/L%E2%80%99Encyclop%C3%A9die/1re_%C3%A9dition/MYTHOLOGIE (дата обращения 06.11.2020).
23. *Le Temple des Muses*. – Amsterdam, 1733. – 156 p.
24. *Les Métamorphoses d'Ovide*. In 2 Vol. – Amsterdam, 1732.
25. *Les Métamorphoses d'Ovide*. In 3 Vol. – Paris, 1757.
26. *Les Métamorphoses d'Ovide*. In 4 Vol. – Paris, 1767–1771.
27. *Oeuvre complet de Flaxman* : recueil de ses compositions gravées au trait / par Revéil. – Paris, Revéil, 1833–1836. – Vol. 1-5.
28. Petherbridge, D. Some Thoughts on Flaxman and the Engraved Outlines / D. Petherbridge // *Print Quarterly*. – 2011. – Vol. 28. – No. 4. – P. 385–391.
29. Schwab, G. *Buch der schönsten Geschichten und Sagen*/ G. Schwab. – Stuttgart, 1836–1837.
30. Schwab, G. *Die deutschen Volksbücher*/ G. Schwab. – Berlin, 1938. – 497 p.
31. Schwab, G. *Die schönsten Sagen des klassischen Altertums* / G. Schwab. In 3 Bände. – Stuttgart, 1838–1840.
32. *Tableaux du temple des muses*. – Paris, 1655. – 477 p.

*Текст поступил в редакцию 31.01.2022.
Принят к публикации 28.03.2022.
Опубликован 29.09.2022.*

References

1. *Abbé Banier's Ovid Commentary Englished from Ovid's Metamorphoses* (Garth tr., Amsterdam, 1732). Available at: <https://ovid.lib.virginia.edu/banier.html/> (accessed on November 6, 2020).
2. Banier A. *Mythology and Fables, explained Historically* [La mythologie et les fables, expliquées par l'histoire]. In 8 vols. Paris, 1738–1739 (in French).
3. Berkovskij N.Ya. *Romantizm v Germanii* [Romanticism in Germany]. St. Petersburg: Azbuka-klassika Publ., 2001, 512 p. (In Russian).
4. Brüderern Grimm. *German Legends* [Deutsche Sagen]. In 2 vols. Berlin, 1816–1818 (in German).
5. Chaunu P. *Civilizaciya Prosveshcheniya* [The Civilization of the Enlightenment]. Ekaterinburg: U-Faktoriya Publ.; Moscow: AST MOSKVA Publ., 2008, 688 p. (in Russian).
6. *Complete Work of Flaxman: Collection of his line-engraved Compositions* [Oeuvre complet de Flaxman: recueil de ses compositions gravées au trait]. Paris, Revêil, 1833–1836, vols. 1–5 (in French).
7. Facchini C. *The history of religion and the challenge of pluralism* [La Storia delle religionie e la sfida dei pluralismi]. Roma: MORCELLIANA, 2017, pp. 428–439 (in Italian).
8. Grafton F. *Ot poligistora k filologu (kak preobrazilas' nemeckaya nauka ob antichnosti v 1780 – 1850-e gody)* [From Polyhistor to Philologist: How German Studies of Classical Antiquity Was Transformed in 1780–1850]. Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2006/6/ot-poligistora-k-filologu.html> (accessed on April 6, 2021) (in Russian).
9. Hunt L. *The Enlightenment and the Origins of Religious Toleration*. Series Burgerhart Lectures Dutch-Belgian Society for Eighteenth-Century Studies, No. 4. Werkgroep 18e Eeuw, Utrecht, Nederland, 2011, 32 p.
10. Hunt L., Jacob M. C., Mijnhardt W. *The Book That Changed Europe: Picart and Bernard's "Religious Ceremonies of the World"*. Cambridge, Massachusetts; London, England, 2010, 383 p.
11. Jaucour L. *Mythology. Encyclopedia, or Reasoned Dictionary of sciences, arts and crafts* [Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers]. Available at: https://fr.wikisource.org/wiki/L%E2%80%99Encyclop%C3%A9die/1re_%C3%A9dition/MYTHOLOGIE (accessed on November 6, 2020) (in French).
12. Jaucour L., Marmontel, J. *Fable // Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*. Available at: https://fr.wikisource.org/wiki/L%E2%80%99Encyclop%C3%A9die/1re_%C3%A9dition/FABLE (accessed on November 6, 2020) (in French).
13. Meinecke F. *Die Entstehung des Historismus* [The Emergence of Historicism], 1959. (Russ. ed.: Meinecke F. *Voznikovenie istorizma*. Transl. from German by V.A. Brun-Cekhovaja. Moscow: ROSSPEN Publ., 2004, 480 p).
14. *Metamorphoses by Ovid* [Les Métamorphoses d'Ovide]. In 2 vols. Amsterdam, 1732 (in French).
15. *Metamorphoses by Ovid* [Les Métamorphoses d'Ovide]. In 3 vols. Paris, 1757 (in French).
16. *Metamorphoses by Ovid* [Les Métamorphoses d'Ovide]. In 4 vols. Paris, 1767–1771 (in French).
17. Momdzhyan H.N. *Francuzskoe prosveshchenie XVIII veka* [French Enlightenment of 18th Century]. Moscow: Mysl' Publ., 1983, 447 p. (in Russian).
18. *Paintings from the Temple of the Muses* [Tableaux du temple des muses]. Paris, 1655, 477 p. (In French).
19. Petherbridge D. Some Thoughts on Flaxman and the Engraved Outlines. *Print Quarterly*. 2011, vol. 28, no. 4, pp. 385–391.
20. Reizov B.G. *Iz istorii evropejskikh literatur* [From the History of European Literature]. Leningrad: Publ. of Leningrad State University, 1970, pp. 3–22 (in Russian).
21. *Religious Ceremonies and Customs of All the Peoples of the World* [Le Cérémonies et coutumes religieuses de tous les peuples du monde]. In 10 vols. Amsterdam, 1723–1743 (in French).
22. Schlegel F. *Estetika. Filosofiya. Kritika* [Aesthetics. Philosophy. Critics.]. In 2 vol. Vol. 1. Moscow: Iskusstvo Publ., 1983, pp. 70–87 (in Russian).
23. Schlegel F. *Estetika. Filosofiya. Kritika* [Aesthetics. Philosophy. Critics.]. In 2 vol. Vol. 1. Moscow: Iskusstvo Publ., 1983, pp. 40–50 (in Russian).
24. Schwab G. *The Book of the most Beautiful Stories and Legends* [Buch der schönsten Geschichten und Sagen. Stuttgart, 1836–1837 (in German).
25. Schwab G. *The German Folk Books* [Die deutschen Volksbücher]. Berlin, 1938, 497 p. (In German).
26. Schwab G. *The Most Beautiful Legends of Classical Antiquity* [Die schönsten Sagen des klassischen Altertums]. In 3 Vol. Stuttgart, 1838–1840 (in German).
27. Shakhnovich M.M. *Miscellanea humanitaria philosophiae: Ocherki po filosofii i kul'ture. K 60-letiyu professora Yurii Nikiforovicha Solonina* [Miscellanea humanitaria philosophiae: Essays on Philosophy and Culture. On the 60th Anniversary of Professor Yuri Nikiforovich Solonin]. St. Petersburg: SPbFO, 2001, pp. 301–308 (in Russian).
28. Starobinski J. *Poeziya i znanie: Istoriya literatury i kul'tury* [Poetry and Knowledge: History of Literature and Culture]. Vol. 1. Transl. from French by E.P. Vasil'eva, B.V. Dubin, S.N. Zenkin, V.A. Mil'china, M.S. Neklyudova, T.I. Smolyarova, P.P. Shkarenkov. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2002, pp. 85–109 (in Russian).
29. Starobinski J. *Poeziya i znanie: Istoriya literatury i kul'tury* [Poetry and Knowledge: History of Literature and Culture]. Vol. 2. Transl. from French by M.S. Grinberg, I.K. Staf, G.E. Shumilova. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2002, pp. 357–500 (in Russian).
30. *The Temple of the Muses* [Le Temple des Muses]. Amsterdam, 1733, 156 p. (In French).
31. Voronicyan I. P. *Istoriya ateizma* [The History of Atheism]. Moscow: Atheist Publ., 1930, 908 p. (In Russian).
32. Winckelmann J.J. *Istoriya iskusstva drevnosti. Malye sochineniya* [History of Ancient Art. Small Works]. Ed. by I.E. Babanov. St. Petersburg: Aleteya Publ., 2000. pp. 7–302 (in Russian).

Submitted for publication: January 31, 2022.

Accepted for publication: March 28, 2022.

Published: September 29, 2022.